

ассигнаций, печеных яблок, отреза на фрак, шубы и тому подобных неприличных конкретностей, а в виде перифрастических «камней, серебра и злата»:

Ты блакости лишь подобием реки,
 В добротворении прерывности не зная,
 Всечасно милости различны изъявляя,
 Ни камней не щадишь, ни злата, ни серебра
 Для пользы ближнего иль общего добра,
 О коем каждое мгновение ты мыслишь
 И день погибшим тот невозвратно числишь,
 Благодеяний ты в который не явил.
 Веспасианов сын таков у римлян был.
 Ты милосердие в себе являешь Тита,
 Благотворительно всем грудь твоя открыта...

Произведение подобное «Дубликату» могло явиться только на почве графомании. Б. Модзалевский сообщает: «Помимо пользы, которую Рубан извлекал из занятий своих стихотворством, последнее служило ему и удовлетворением страсти к сложению стихов, которую он был одержим почти в равной степени с своим критиком гр. Хвостовым. Стихотворная производительность Рубана простиралась до огромных размеров, выражаясь в самых разнообразных формах. Дело доходило до того, что даже частная переписка велась с его стороны не прозою, а стихами. Сохранился рассказ, записанный П. Ф. Карабанным о том, как Потемкин, знавший слабость своего секретаря, предложил ему однажды написать в Соляную контору, вместо отношения, стихотворное послание о выдаче 10 000 рублей. Иногда случалось, что в один день Рубан сочинял по несколько стихотворений; даже во время своей предсмертной болезни он не пропускал почти дня, чтобы не написать кому-нибудь поздравления, письма в стихах и т. п.».

Потребность графомана изъяснять стихами свои обиходные интересы натолкнула Рубана на нечто вроде «дружеского послания»:

1-е Марта 1795 года.

Родзянка! У тебя прекрасная жена.
 Благовоспитана, быв в Дерпте рождена;
 Пленила кротких уст меня ее беседа,
 Хотя ж у твоего и не был я обеда,